

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 102–112.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 2 (79). P. 102–112.*

Научная статья
УДК 7.01
doi: 10.54398/1818510X_2024_2_102

**ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОСТИ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ДВОЙНИК»)**

Холоднова Ксения Николаевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

kholodnovaksenia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>

Аннотация. Творчество Ф. М. Достоевского традиционно привлекало и продолжает привлекать к себе внимание мыслителей разного толка. Существует большое количество литературно-критических, психоаналитических и, наконец, философских работ, посвящённых осмыслению его наследия. В данной статье мы сосредоточимся на анализе одного из первых его произведений – повести под названием «Двойник». Именно с ней началась тема двойственности природы человека в творчестве Ф. М. Достоевского. Также мы проанализируем многочисленные интерпретации и выявим основные проблемы их осмысления. Попытки осмыслить «Двойника» были предприняты уже при жизни писателя. Н. А. Добролюбов, В. Г. Белинский, В. Н. Майков в своих работах обращали внимание на социальную проблематику повести. Они видели в произведении попытку со стороны Ф. М. Достоевского продолжить развивать тип «маленького человека», который ранее встречался в произведениях А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Среди существующих философских интерпретаций можно уверенно выделить несколько основных линий рассуждения. Мыслители, принадлежащие к первой (Н. А. Бердяев, И. И. Евлампиев), считают, что «Двойник» был первой попыткой со стороны Ф. М. Достоевского показать глубокую антиномичность, присущую человеческой личности как таковой. Другие (Г. Померанц, А. А. Ухтомский, Д. С. Мережковский, Э. Я. Голосовкер, С. И. Фудель) обращались прежде всего к христианской трактовке двойственности человеческой природы. Она основывалась на идее внутреннего человека. И наконец в качестве последней линии осмысления мы можем выделить такую, согласно которой двойник – не кто иной, как Другой для меня (М. М. Бахтин, В. А. Подорога). Психоаналитические интерпретации (И. Нейфельд, З. Фрейд, О. Ранк, Р. Жирар, А. Грин, Л. Монне Дао, Р. Лефор, М. Кадо, Ж. Катто) сосредотачивались на том, чтобы найти у Достоевского всё то, что потом стало ядром психоаналитики как научного знания. Данная статья сосредоточена на попытке осмыслить и систематизировать уже существующие в пространстве интеллектуального дискурса трактовки проблемы двойственности природы человека в повести Ф. М. Достоевского «Двойник» и творчестве писателя в целом, а также на формулировании новой философско-антропологической интерпретации раздвоения человека

Ключевые слова: философская антропология, двойственность человека, Ф. М. Достоевский, «Двойник», философия, «внутренний человек», сознание, «подпольный человек», дуализм, антиномия

Для цитирования: Холоднова К. Н. Проблема двойственности природы человека в творчестве Ф. М. Достоевского (на примере повести «Двойник») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 102–112. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_2_112.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE PROBLEM OF THE DUALITY OF HUMAN NATURE
IN THE WORK OF F. M. DOSTOEVSKY (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL “THE DOUBLE”)**

Ksenia N. Kholodnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

kholodnovaksenia@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7336-0230>

Abstract. The work of F. M. Dostoevsky has traditionally attracted and continues to attract the attention of thinkers of various kinds. There are a large number of literary-critical, psychoanalytic and, finally, philosophical works devoted to understanding his legacy. In this article, we will focus on the analysis of one of his first works, a novella called “The Doppelgänger”. It was with her that the themes of the duality of human nature in the works of F. M. Dostoevsky began. We will also analyze numerous interpretations and identify the main problems of understanding them. Attempts to comprehend the “Double” were made already during the writer's lifetime. N. A. Dobrolyubov, V. G. Belinsky, V.N. Maikov in their works drew attention to the social problems of the story. They saw in the work an attempt on the part of F. M. Dostoevsky to continue developing the type of “little man” that had previously been found in the works of A.S. Pushkin and N. V. Gogol. Among the existing philosophical interpretations, several main lines of reasoning can be confidently distinguished. Thinkers belonging to the first (N. A. Berdyaev, I. I. Evlampiev) believe that the “Double” was the first attempt on the part of F. M. Dostoevsky shows the deep antinomianism inherent in the human personality as such. Others (G. Pomerants, A. A. Ukhtomsky, D. S. Merezhkovsky, E. Ya. Golosovker, S. I. Fudel) turned primarily to the Christian interpretation of the duality of human nature. It was based on the idea of the inner man. And finally, as the last line of understanding, we can single out one according to which the double is none other than the Other for me (M. M. Bakhtin, V. A. Podoroga). Psychoanalytic interpretations (I. Neufeld, Z. Freud, O. Rank, R. Girard, A. Green, L. Monnet Dao, R. Lefort, M. Cadot, J. A. A. Catto) focused on finding in Dostoevsky all that later became the core of psychoanalysis as scientific knowledge. This article focuses on an attempt to comprehend and systematize the interpretations of the problem of the duality of human nature in F. M. Dostoevsky's novel “The Double” and the writer's work in general that already exist in the space of intellectual discourse. And also on the formulation of a new, philosophical and anthropological interpretation of the bifurcation of man.

Keywords: philosophical anthropology, duality of man, F. M. Dostoevsky, “Double”, philosophy, “inner man”, consciousness, “underground man”, dualism, antinomy

For citation: Kholodnova K. N. The problem of the duality of human nature in the work of F. M. Dostoevsky (on the example of the novel “The Double”). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 2 (79), pp. 102–112. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_2_102.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Ф. М. Достоевский в своих записных книжках отмечает: «Мой главнейший подпольный тип (надеюсь, что мне простят это хвастовство в виду собственного сознания в художественной неудаче типа)» [8, с. 49]. «Подпольный человек есть главный человек в русском мире. Всех более писателей говорил о нём я...» [8, с. 49]. Стоит отметить, что «подпольный тип», согласно суждениям самого Достоевского, начинается с героя «Двойника» Якова Петровича Голядкина и находит своё продолжение в главном герое повести «Записки из подполья». В 1877 г. Ф. М. Достоевский указывал в своём «Дневнике писателя»: «Повесть эта («Двойник». – Прим. К. Х.) мне положительно не удалась, но идея её была довольно светлая, и серьёзнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно» [6, с. 873].

Таким образом, основываясь на суждениях самого Достоевского, мы считаем необходимым подвергнуть глубокому философскому осмыслению повесть «Двойник» и идею двойственности человеческой природы. Именно она стала краеугольной

не только для самой повести, но и для всего творчества Достоевского в целом. В текущей действительности это кажется как никогда актуальным ввиду повсеместного господства в философии XX в. идей о необходимости избавиться от человека в пространстве философского дискурса (М. Фуко, К. Леви-Стросс, Ж. Деррида), которые оказали существенное влияние на статус человека в философии и сегодня. Кроме того, взгляд на человека как на двойственное существо становится необходимой сегодня возможностью защитить человека от угроз, которые потенциально несёт в себе радикальная трансформация в сфере поиска новых цифровых идентификаций.

Основная часть

Классическая философская интерпретация феномена и идеи иудео-христианской традиции

О субстанциальном дуализме в философии мы можем говорить, начиная с Платона. Его основная идея заключалась в формуле «тело – темница души», определившей восприятие двойственной природы человека в рамках европейской философии. Позднее она получила своё развитие в европейской философии (Б. Спиноза, Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Шлегель, А. Шопенгауэр, М. Бубер, М. Шеллер, А. Гелен, Х. Плеснер, Сервера Эспиноза, Г. Э. Хенгстенберг).

Идея двойственности человека в полной мере заявила о себе и в иудео-христианской традиции (Г. Палама, М. Исповедник, Немезий Эмесский, Ф. Аквинский, св. Григорий Богослов, преп. Макарий Египетский, Симеон Новый Богослов) с её разделением на душу (*anima*) и дух (*animus*), на земное и божественное в человеке. Идея внутреннего человека в целом становится характерной для неё. Ветхий Завет будет оперировать образом сердца: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено» (Иер. 17:9–10). Святитель Иоанн Златоуст утверждал, что нельзя человеку скрыть ни свои грехи, ни свои помыслы. В Новом Завете об этом прежде всего будет говорить апостол Павел в его посланиях к римлянам и коринфянам. Речь будет идти о двух векторах души, которые выражаются в наших помыслах. Идею внутреннего человека (*homo interior*) позднее можно будет найти у Блаженного Августина. Внутренний человек и образ Божий – это собственно человек. Душа по природе своей бессмертна и нематериальна. Также он будет оперировать оппозицией мужское-женское. Григорий Нисский, постулировал двойственность человека как середину между двумя крайностями – жизнью бесплотной и скотской.

Наследие и осмысление иудео-христианской традиции понимания двойственности характерно для русской философии (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, В. В. Зеньковский). Кроме того, двойственность человека в русской философии так же будет пониматься в русле таких оппозиций, как мужское / женское, конечное / бесконечное, духовное / эмпирическое, абсолютное / относительное, мужское / женское.

Двойственность человека как антиномичность

Н. А. Бердяев в своей книге «Миросозерцание Достоевского» писал, что Достоевский совершил великое антропологическое открытие. Суть его заключается в том, что только он смог разглядеть трагическое противоречие в самой глубине бытия человека. Там оно, с одной стороны, уже погружено в божественное бытие, но, с другой, в нём не исчезает. Достоевский у всего видит такую глубину, где каждое явление обретает свою полярность и запускает вихревое движение. И человек не стал исключением: «для Достоевского человеческое сердце в самой первооснове своей – полярно, и эта полярность порождает огненное движение, не допуская покоя» [2, с. 61]. Эта двойственность проявляется во всём: например, Ставрогин рассуждает об одинаковой притягательности идеала Мадонны и идеала содомского. Более того, даже отношение Достоевского ко злу, по Бердяеву, было глубоко антиномичным, ведь писатель всегда стремился познать тайну зла и в этом смысле был гностиком. Достоевский не хотел избавиться от зла, вытеснить его в сферу непознаваемого или отодвинуть, а хотел узнать его. Человек Достоевского весь пронизан двойственностью в самой глубине своего существа: он стремится одновременно и к богу, и к дьяволу,

хочет и добра, и зла, он и красив, и уродлив, и смешон, и трагичен. И эти противоречия пронизывают самые основы его бытия.

Линию двойственности человека как антиномичности продолжает и современный исследователь И. И. Евлампиев. В своей книге «Философия человека в творчестве Ф. Достоевского» он утверждает, что раздвоенный герой Голядкин – это тот, кто обладает «двумя сущностями, двумя измерениями своего бытия» [9, с. 105]. Ведь с самого первого момента появления Якова Петровича мы видим глубоко присущую его натуре во всём абсолютную противоречивость. Настроение Голядкина меняется ежесекундно, его решения и мотивы также не отличаются последовательностью. Кроме того, господину Голядкину свойственно как постоянное желание стать незаметным и ступешаться, так и непреодолимое желание быть в центре событий, обратить на себя внимание и совершить подвиг. Согласно Евлампиеву, все эти чувства и мысли присутствуют одновременно в сознании несчастного героя, и это заставляет его «безостановочно колебаться между различными полюсами его личности» [9, с. 108]. В результате поведение Голядкина становится нелогичным и странным, а к другому он становится просто неспособен ввиду «постоянного столкновения противоположных интенций его сознания» [9, с. 108]. Главное, что подмечает Евлампиев, это, пожалуй, то, что ни одна из противоположностей внутри Голядкина не может насовсем победить другую. Глубокая внутренняя противоречивость героя, его раздвоенность абсолютно во всём буквально парализуют его. Появление двойника таким образом становится ничем иным, как внутренней трагедией сознания героя. Парадокс Голядкина, согласно суждениям И. И. Евлампиева, заключается в том, что «его характер не имеет “середины”, он состоит из крайностей, которые не могут соединиться ни в какую целостность» [9, с. 118]. Так, двойник, у Евлампиева становится «собственной ипостасью» и той стороной личности, которая «господствует в “бессознательном”, в “подполье” его сознания» [9, с. 122] и «болезнью его бытия» [9, с. 124].

И для Бердяева, и для Евлампиева двойственность человека – результат его внутренней антиномичности, которая проявляется большим количеством раздвоений в реальности. При этом остаётся непонятным, чем эта антиномичность обеспечивается.

Христианские корни двойственности человека

Известный российский философ Г. С. Померанц, рассуждая о героях Достоевского, замечает, что они у него «с двойными мыслями». Позже, опираясь на слова князя Мышкина, он добавляет, что это вполне естественно для человека вообще. Истоки этой концепции прослеживаются вплоть до посланий апостолов. В них человек мыслится как тот, в ком противопоставлено внешнее и внутреннее, духовное и плотское. Речь идёт в первую очередь о Послании ап. Павла к римлянам: «Мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху... Ибо не понимаю, что делаю... Доброго, которого хочу не делаю, а злого, которого не хочу, делаю... Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в Законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Римл. 7:14–24). Из этого философ делает вывод, что «двойничество героев Достоевского по большей части означает именно спор внешнего и внутреннего человека» [14, с. 176]. Померанц находит в литературе старцев некоторый аналог «двойных мыслей» в человеке – это помыслы. Существует две основные линии поведения в их отношении: первая заключается в их решительном отторжении, а вторая в том, чтобы «принять помыслы» и «побороться с ним». Второй способ видит развитие человека в том, что, сталкиваясь с помыслом, он ощущает, что «летит вниз». Ужас от этого чувства заставляет его резко «рваться вверх». В результате на определённом этапе человек достигает таких усилий в этой борьбе, что двойственность преодолевается. Получается, что «дорога в рай проходит через ад двойных мыслей» [14, с. 179].

Похожие идеи относительно двойственности человека у Ф. М. Достоевского высказывает известный философ С. И. Фудель. Он постулирует, что раздвоение героя – это «религиозная борьба человека с его личным злом, с его “двойником”. Двойник повести воплощает в себе всё нравственное зло героя» [15, с. 77]. Фудель замечает, что зло и смерть, согласно христианскому миропониманию, вошли в этот мир несчастливо. Зло мира, страдания и смерть «завязаны» в глубинах души каждого человека. И Достоевский видел это как никто другой, понимая, что никакие экономические и социальные преобразования не избавят человека от этого. И главное, с чем должен бороться каждый человек – это он сам. Таким образом, Достоевский выразил «великую идею борьбы света и тьмы в душе человека» [15, с. 79], изобразив тем самым «центральную мировую антитезу». Нравственная двойственность человека становится реальностью его земного бытия, ведь каждую минуту своей жизни человек должен вести внутри себя борьбу со злом и выбирать Бога.

Религиозное толкование двойственности человека Ф. М. Достоевского также мы можем найти у А. А. Ухтомского. Сквозь призму новозаветного откровения Ухтомский трактует двойничество как борьбу личности и личины. Таким образом, сам феномен раздвоения будет выступать как способ раскрытия личности посредством последовательного изживания ею собственных личин. Попытка победить двойника в таком случае – это борьба подлинной человеческой природы с той своей частью, которая повреждена первородным грехом. Актуализацией этой греховной природы и становится двойник, с которым борется личность, видя в душе своей собственный прообраз. Если у святых и старцев повреждённая первородным грехом природа часто проявляется в виде бесов, то перед обычным человеком она предстаёт именно в виде двойника. В появлении двойника некого винить, ведь он является порождением внутренней греховности.

Я. Э. Голосовкер в известной работе «Достоевский и Кант» писал о том, что в действительности у каждого героя Достоевского есть два двойника. Разбирая эту идею на примере Ивана Карамазова, он делает вывод о том, что тот сталкивается с двумя своими двойниками – с чёртом и Смердяковым. И, помещая своего героя в такую ситуацию, Достоевский пытается найти для него путь спасения. При этом преобразование героя оказывается невозможным без изживания обоих своих двойников. Раскольников своим обращением к Христу показал нам путь избавления от собственной раздвоенности.

Д. С. Мережковский анализирует идею двойственности человека у Достоевского, обращаясь к большому количеству произведений писателя. В итоге он утверждает, что никто так не исследовал «религиозного раздвоения русского духа» [11, с. 269], как Достоевский. Наиболее ярко Мережковский раскрывает идею двойственности человека у Достоевского на примере осмысления Родиона Раскольникова. Истоки его раздвоения лежат «в противоречии антихристианского сознания и бессознательного христианства» [11, с. 269]. Раздираемый этим религиозным противоречием Раскольников ощущает, что оно бесконечно глубже, чем всё остальное, когда-либо терзавшее его. Всё его существо расщепилось на двойников, которые «борются в нём, не зная, не слыша, не видя друг друга, как слепорождённые, как глухонемые» [11, с. 211]. Убивая старуху, Раскольников пытается уничтожить одного из своих двойников, поэтому он и произносит, что убил не старуху, а принцип. Но двойники внутри него как сросшиеся близнецы: невозможно убить одного, сохранив другого. И «осквернённое, умерщвлённое, но неумертвимое, противоположное лицо восстанёт в нём вдруг с небывалою силою и страшно мстит: оно становится из божеского демоническим, ибо и христианство, не понятное, может быть демоническим» [11, с. 211]. Увидев своего двойника, Раскольников, как и любой другой человек, отшатнётся в ужасе от этого «противоположного Христа». Однако избежать появления двойника внутри себя, спастись в изначальном ненарушенном единстве невозможно. У человека остаётся только два пути: либо погибнуть, либо, пройдя через все ужасы изживания собственной двойственности, прийти к уже последнему соединению во Христе.

Современный автор Т. А. Касаткина интерпретирует двойника в похожем на Ухтомского ключе: двойник, по её мнению, – это тот, кто воплощает тайные желания Голядкина.

Таким образом, мы можем говорить о том, что все христианские толкования двойничества сводятся к идее внутренней борьбы человека с собственной повреждённой грехом природой. Этой борьбы невозможно избежать, так как она является частью того пути, который уготован человеку. Одержав победу над своими двойниками, человек избавляется от собственных личин и находит путь к Богу. Важно при такой трактовке отметить возможность и необходимость преодоления двойственности личности. Кроме того, объявляя человека тем, кто имеет замысел о себе в вечности, христианская трактовка помогает преодолеть стирание онтологических делений.

Двойник как Другой

М. М. Бахтин в своей работе «Проблемы поэтики Достоевского» акцентирует внимание на слове господина Голядкина. Он отмечает, что тот сам с собой разговаривает как будто воображает себя по отношению к себе абсолютно другим человеком. Таким образом, вся внутренняя жизнь Голядкина развивается исключительно диалогически: «диалог позволяет заместить своим собственным голосом голос другого человека» [1, с. 136]. Внутри Голядкина будто живут два голоса: один из них неуверенный и робкий, а второй спокойный и самодовольный. Постепенно второй настолько усиливается, что становится независимым и слышится нам надменным и едким по отношению к самому Голядкину. Этот второй голос появляется для того, чтобы заместить для героя недостающее ему признание его другим человеком. Пытаясь обойтись без другого и в этом, Голядкин неизбежно приходит к диалогической форме внутри себя. Именно поэтому на самом деле он живёт только в другом, своим отражением в нём. Жестокое столкновение с реальностью усиливает раздвоенность главного героя. Второй голос, вместо того, чтобы спасти господина Голядкина, начинает над ним издеваться, провоцировать и дразнить. Так и появляется двойник. Вся интрига произведения есть кризис драматизированного сознания Голядкина. За пределы сознания действие ни разу не выходит ввиду того, что действующими лицами остаются лишь те, кто родился в его сознании. В конечном итоге внутри Голядкина появляется три голоса: «его “я для себя”, не могущее обойтись без другого и без его признания, его фиктивное “я для другого”... и, наконец, непризнающий его чужой голос» [1, с. 142].

В. А. Подорога анализирует раздвоение Голядкина, опираясь на рассуждение о Павла Флоренского о зеркальном отражении, которое оказалось двойником. В один из вечеров любой человек, проходя мимо коридорного зеркала, вдруг не узнаёт себя в нём, собственное отражение почему-то кажется ему неизвестным Другим. Там, где раньше был Я возникает теперь Он, будто душа отделилась от тела: «Другой вбирает нас, присваивая себе нашу психомиметическую способность» [13, с. 206]. Моё присутствие в мире теперь определяется двойником, с которым разорваны все позитивные связи. Зеркало у Достоевского, по Подороге, часто является эквивалентом самосознания. И оно толкуется им негативно: как самообман, маска, симуляция. Оно отражает, но само не видит того, что отражает. Поэтому зеркальный образ – это пустота, разрыв. Поэтому любая попытка осознать себя приводит личность к распаду, к утрате положительных качеств. Таким образом, самосознание становится принципом «антижизни». А тот, кто смотрит на меня из зеркала, мой враг, потому что «он нарушает своим явлением порядок образов, какими я пытаюсь себя защитить, чтобы удержать телесную и психическую идентичность» [13, с. 208]. Появление двойника всегда вызывает шок. Он основан на архаических верованиях, древнем страхе перед близнецами-двойниками. Они приносят с собой болезни, порчу, беды и смерть. Кроме того, страх перед двойником обусловлен тем, что он мёртв и «требует от донора отдать кровь для его оживления» [13, с. 215]. И именно страхом во многом поддерживается двойник. Появляясь, он указывает на «распад миметизма,

на неспособность подражать себе как Другому» [13, с. 218], а также на способность Я соотносить себя с миром. Очень важным кажется заметить, что всё это разрывает связь между Голядкиным и реальностью. В результате даётся импульс больному сознанию, в котором разворачивается мощнейшая галлюцинация удвоения. Она становится последней возможностью личности спастись от распада за счёт перекладывания ответственности за все жизненные неудачи на появившегося двойника. Таким образом получается, что двойник – это ни что иное, как копия, у которой отсутствует оригинал, т. е. симулякр. Кроме того, сам по себе двойник не имеет никакого значения без принципа психомиметического удвоения, т. е. удвоения ситуаций.

Психоаналитические интерпретации

Попытка видеть в «Двойнике» психопатологию – и сегодня, пожалуй, самый популярный способ трактовать повесть. Стоит также отметить, что эта линия толкования свойственна европейской философии и совсем не свойственна русской.

Иолан Нейфельд написал психоаналитический очерк «Достоевский», который вышел под редакцией профессора З. Фрейда. В нём «Двойник» трактуется как очередная попытка Достоевского осудить себя через своего героя. «Суд над самим собой расщепляет характер Голядкина на две противоположные части» [12, с. 355]: 1 – нарциссический идеал Я и 2 – враждебный этому Я; 1 – это Голядкин-старший, 2 – Голядкин-младший. Таким образом, Голядкин-младший – это тот идеал, которого хотел бы достичь герой, но никогда не сможет.

Австрийский психоаналитик Отто Ранк обращается к «Двойнику», анализируя тему двойничества в литературе вообще. В работах «Двойник» и «Образ Дон Жуана» он отмечает непревзойдённую психологическую достоверность повести. Раздвоение Голядкина – это паранойя, возникающая в результате нарциссизма, из-за наличия которого человек преувеличивает собственное Я.

Андре Грин в работе «Двойной двойник: то одно, то другое» продолжает линию, заданную Ранком. Но при этом добавляет, что «Двойник» у Достоевского сам является двойником. Ведь Достоевский с большой точностью опишет манию преследования, но рассказ всё же останется литературным. В произведении присутствуют попеременно две реальности: одна – материальная, а вторая – психическая. Грин также отмечает постоянное повторение фраз типа «и того, и сего», «ни то, ни се», «и то, и другое», которые сами по себе предполагают удвоение. С точки зрения психиатрической семиологии, Голядкина терзает Сверх Я. Рассказчик становится расщеплённым Я, а двойник – это Оно, которое не обладает стыдом и воплощает все свои желания.

М. Кадо писал, что Голядкин, осознавая свою социальную уничтоженность, создаёт двойника, который позволит ему стать кем-то и жить в ожидании вновь обрести своё единство.

Французский славист Ж. Катто в работе «Двойник, или вражеская асимметрия» также рассматривает двойника как эманацию вытесненных желаний: Голядкин-младший делает всё то, что хотел бы делать старший, но не может.

Р. Лефор, обращаясь к лакановскому понятию Другого, утверждал, что Достоевскому, как никому другому, удалось описать структуру двойника как главную в аутизме. Таким образом, Голядкин-младший будет рассматриваться как дубль, интегральный двойник героя, его зеркало и одновременно противоположность.

Французский философ Рене Жирар писал о том, что «Двойник» – это смешение психопатологической фантазии и обыденной реальности. И сам по себе этот феномен является двойственным, потому что имеет объективные и субъективные причины. Во-первых, причины различных маний господина Голядкина ему видятся в царской бюрократии XIX в. Во-вторых, источником раздвоения Голядкина становится гордость: «Гордец считает себя единственным в своих одиноких мечтах, но в момент провала он разделяется на презираемое существо и презирающего наблюдателя» [10, с. 67]. Так Голядкин становится Другим для самого себя. Этот Другой бесконечно показывает Голядкину его ничтожество. Отношения Голядкина с самим собой и другими

характеризуются удвоенной амбивалентностью: он всех ненавидит, презирает, но вместе с тем как-то побаивается. Неудачи Голядкина продолжают усиливать раскол внутри него на него и его двойника, различие между Я и Другим ослабевает и возникает «галлюцинация» двойника. Таким образом, «феномен галлюцинации является результатом и синтезом всех субъективных и объективных удвоений» [10, с. 67]. Переходя к анализу «Записок из подполья», Жирар отмечает, что двойственный герой – это, с одной стороны, восторженный и лирический мечтатель, а, с другой, гротескный образ смешного мелкого чиновника. Достоевский показывает одновременно невозможность синтеза двух половин сознания в одном человеке и как результат постоянную болезненность их совмещения.

Делая выводы, мы можем сказать о том, что психоаналитические интерпретации ограничивают саму возможность толковать не только человека в пространстве творчества Достоевского, но и человека как такового. Человек, опосредованный только структурами собственного бессознательного становится существом фрагментарным, излишне биологизированным и упрощенным.

Раздвоенный господин Голядкин

Итак, в «Двойнике» Ф. М. Достоевский расскажет нам о Якове Петровиче Голядкине. Он бедный чиновник из Санкт-Петербурга. Ничем не примечательный до тех пор, пока посреди улицы он не обнаруживает своего двойника. Перед этим происходит следующее: Голядкин просыпается утром, нанимает на весь день карету и куда-то направляется. Сначала в своём экипаже он едет к доктору Рутеншицу, который совсем не ожидал увидеть господина Голядкина. Цели Голядкина остаются неразъяснёнными и им самим. Он просто садится на стул и начинает говорить о себе: «...в этом отношении я, Крестьян Иванович, не так, как другие, и много говорить не умею; придавать красоту слогу не научился. Зато я, Крестьян Иванович, действую; зато я действую, Крестьян Иванович» [5, с. 131]. «Хотя мог бы вредить в свою очередь, и очень мог бы, и даже знаю, над кем и как это сделать» [5, с. 133], – продолжает господин Голядкин непонятно зачем. Голядкин обращает внимание доктора также и на то, что он предпочитает спокойствие светскому шуму, не хитёр, и вообще человек простой, без наружного блеска. А главное, что он не интриган, и гордится этим. Действует поэтому открыто, а не втихомолку. Доктор продолжает недоумевать по поводу визита господина Голядкина и думает, что того что-то физически беспокоит. Состояние героя в этот момент, несомненно, демонстрирует нам, что этот приезд и разговор крайне важны для Голядкина: «серые глаза его странно блеснули, губы задрожали, все мускулы, все черты его лица заходили, задвигались. Сам он весь дрожал» [5, с. 134]. Что же с ним происходит? Он вдруг осознал, что то, что думает о себе он сам, и то, что думают о нём остальные, – это совсем не одно и то же. Рассказывая врачу, какой он, Голядкин пытается забрать у мира того, кого тот видит на его месте. Ему кажется, что, если он объяснит кому-то, какой он, тогда то, что думает о себе он, и то, что будет думать о нём другой, совпадёт. И будет не два Голядкиных, а один. Крестьян Иванович считает, что это необходимо лечить, и обращает внимание посетителя на то, что нужно пить медикаменты.

Позднее Яков Петрович является без приглашения на праздник в честь Клары Олсуфьевны Берендеевой. От слуг в дверях он узнает, что он туда не приглашён и допущен не будет. Раздосадованный герой добирается до чёрной лестницы, три часа морально готовится и обманным путём всё же проникает на бал. Там он пытается сделать что-то элементарное, но не может: пробует поздравить именинницу, но сбивается и умолкает, предпринимает попытку пригласить её на танец, но спотыкается, ищет стул и не находит. В конце концов, он пытается просто идти по комнате, но толкает официанта, рвёт платье почтенной старушки, наступив на него, и отдавливает ногу какому-то советнику. Реальность не подчиняется господину Голядкину, он не может в ней ничего сделать. В результате его мир разрывается на субъективное и реальное и никак не может склеиться, какие бы усилия для этого ни предпринимал Голядкин. В итоге герой повести спасается от действительности в грёзе: он просто

стоит посреди зала и фантазирует, что вот-вот сорвётся люстра на Клару Олсуфьевну, а он её спасёт и не попросит ничего взамен. Отказавшись от попыток изменить объективную реальность, Голядкин прячется в фантазиях. Ведь человеческое – это грезить, а не делать. А в реальности к нему уже идёт Герасимыч, чтобы как можно скорее вывести скандалиста за дверь. Голядкин заявляет, что он здесь на своём месте, но места этого за Голядкиным никто не признаёт, и его силой выталкивают за дверь. Так господин Голядкин узнает, что для него нет места в мире, а ещё то, что его представления о реальности отличаются от того, как она выглядит в чужих глазах. Потому что реальность является производным от чувства реальности, что и чувствует на себе Яков Петрович.

Ужас раскалывает господин Голядкина на него и его двойника, и отныне Голядкин вынужден выбирать: идти к себе или убежать от себя. Оказавшись перед невозможностью соединить собственные грёзы и реальность, сдавленный ощущением невозможности совладать с реальностью и страхом перед собственной небытийностью, Голядкин распадается на себя и своего двойника. Один будет жить в мире, а другой – в картине мира. В первом всё будет держаться причинными отношениями, а во втором – усилиями субъекта. Человек, живущий в мире, всегда сталкивается с чувством невозможности как каменной стены. А человек, живущий в картине мира, наполняет её смыслами, лежащими в горизонте его сознания. Будучи распятым между действительностью и грёзой и сталкиваясь с невозможностью их хоть как-то примирить, герой оказывается раздвоенным, но его двойственность будет заключаться не в противопоставлении тела и души, как провозгласил Платон, а в разорванности его сознания, в раздвоении его самости. Голядкин живёт не среди вещей, а среди мнимостей, т. е. не среди того, что существует, а среди того, что дано ему посредством его воображения.

Выводы

Обратившись к центральному для статьи феномену двойственности, мы выявили его классическую философскую трактовку, религиозные реминисценции и постклассические интерпретации. Это позволяет нам выявить проблемы осмысления двойственности как феномена, продемонстрировать недостатки существующих трактовок, а значит, заново ввести проблему в поле философско-антропологического дискурса. Существующие дискурсивные практики значительно ограничивают понимание феномена двойственности и вменияют стандартную трактовку приписываемых ему качеств. В противовес уже существующим трактовкам раздвоенности человека у Достоевского, мы предложили собственную. Согласно ей, герой повести «Двойник» Голядкин внезапно узнаёт: то, что думает о себе он сам, и то, что думают о нём другие, – это абсолютно разные вещи. Голядкин пробует это исправить, едет к доктору и рассказывает ему о своём двойнике, которого он создал как мнимость. Он докладывает, что человек честный, никому не вредит и живёт сам по себе. Врач не соглашается с Голядкиным и предлагает тому лечиться. Во-вторых, приехав на бал, куда Голядкина не хотели пускать, он обнаруживает, что то место, которое, как ему казалось, он занимает в мире, совсем ему не принадлежит. Его силой выводят из квартиры, и господин Голядкин вдруг понимает, что для него нет места в мире. И в-третьих, разворачиваясь к самому себе, Голядкин понимает, что имеет дело с чем-то не существующим, не встроенным в порядок наличного, а будто выдуманым. Ужас, вызванный ощущением собственной небытийности и отсутствием места в мире, раскалывает господина Голядкина, и он раздваивается. Но это не раздвоение на душу и тело, а раздвоенность героя внутри его сознания. Голядкин не может соединить субъективное и реальное, а значит, принуждён выбирать: идти к себе или убежать от себя.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Э, 2017. – 640 с.
2. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского. / Н. А. Бердяев. – Москва : Академический проект, 2019. – 560 с.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – Москва : Российское библейское общество, 2005. – 1312 с.
4. Гиренок, Ф. И. Введение в сингулярную философию / Ф. И. Гиренок. – Москва : Проспект, 2022. – 304 с.
5. Достоевский, Ф. М. Двойник. Петербургская поэма // Униженные и оскорбленные: романы, повести / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – С. 121–270.
6. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 1056 с.
7. Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942–2021 / С. Л. Фокин, О. Е. Волчек, Л. А. Дмитриева, А. Н. Таганов, В. Фейбуа ; под ред. С. Л. Фокина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 432 с.
8. Достоевский, Ф. М. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / Ф. М. Достоевский. – Москва : Наука, 1971. – 726 с.
9. Евлампиев, И. И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым») / И. И. Евлампиев. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2012. – 585 с.
10. Жирар, Р. Критика из подполья / Р. Жирар. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 256 с.
11. Мережковский, Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – Москва : Республика, 1995. – 618 с.
12. Нейфельд, И. Достоевский // Феномен Достоевского. Западные исследования творчества писателя / И. Нейфельд. – Москва : Академический проект; Фонд «Мир», 2019. – С. 313–366.
13. Подорога, В. Рождение двойника. План и время в литературе Ф. Достоевского / В. Подорога. – Москва : РИПОЛ классик / Панглосс, 2019. – 418 с.
14. Померанц, Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским / Г. Померанц. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 416 с.
15. Фудель, С. И. Наследство Достоевского / С. Фудель. – Москва : Русский путь, 2016. – 340 с.

References

1. Bakhtin, M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: E; 2017, 640 p.
2. Berdyaev, N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's worldview]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2019, 560 p.
3. *The Bible: the books of holy scripture of the Old and New Testaments*. Moscow: Russian Bible Society; 2005, 1312 p.
4. Girenok, F. I. *Vvedenie v singulyarnuyu filosofiyu* [Introduction to a singular philosophy]. Moscow: Prospekt; 2022, 304 p.
5. Dostoevskiy, F. Dvoynik. Peterburgskaya poema [The Petersburg poem]. *Unizhennyye i oskorblennyye: romany, povesti* [Humiliated and Offended: Novels, Stories]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2020, pp. 121–270.
6. Dostoevskiy, F. *Dnevnik pisatelya* [Writer's diary]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2021, 1056 p.
7. Fokin, S. L., Volchek, O. E., Dimitrieva, L. A., Taganov, A. N., Feybua, V. *Dostoevskiy vo Frantsii: zashchita i proslavlenie russkogo geniya. 1942–2021* [Dostoevsky in France: the protection and glorification of the Russian genius]. Ed. by S. L. Fokin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2022, 432 p.
8. Dostoevskiy, F. M. *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 gg.* [Unpublished Dostoevsky. Notebooks in 1860–1881]. Moscow: Nauka; 1971, 726 p.
9. Evlampiev, I. I. *Filosofiya cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo (ot rannikh proizvedeniy k "Brat'yam Karamazovym")* [The philosophy of man in Dostoevsky's work (from early works to the 'brothers Karamazov')]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2012, 585 p.

10. Zhirar, R. *Kritika iz podpolya* [Critisism from the underground]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2012, 256 p.
11. Merezhkovskiy, D. S. *Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki* [Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions]. Moscow: Respublika; 1995, 618 p.
12. Neyfeld, I. Dostoevskiy [Dostoevsky]. *Fenomen Dostoevskogo. Zapadnye isledovaniya tvorchestva pisatelya* [The Dostoevsky phenomenon. Western studies of the writer's creativity]. Moscow: Akademicheskij proekt; Fond "Mir"; 2019, pp. 313–366.
13. Podoroga, V. *Rozhdenie dvoynika. Plan i vremya v literature F. Dostoevskogo* [The birth of a double. Plan and time in Dostoevsky's Literature]. Moscow: RIPOL klassik / Pangloss; 2019, 418 p.
14. Pomeranc, G. *Otkrytost bezdne. Vstrechi s Dostoevskim* [Openness to the abyss. Meeting with Dostoevsky]. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; 2017, 416 p.
15. Fudel, S. I. *Nasledstvo Dostoevskogo* [Dostoevsky's legacy]. Moscow: Russkiy put; 2016, 340 p.

Информация об авторе

Холоднова К. Н. – аспирант.

Information about the author

Kholodnova K. N. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 09.03.2024; одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 09.03.2024; approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.